

А.И. Заозерский

Царская вотчина 17 века

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.И. Заозерский**
Царская вотчина 17 века / А.И. Заозерский – М.: Книга по Требованию, 2016. – 305 с.

ISBN 978-5-458-55698-9

Книга А. И. Заозерского вышла первым изданием в 1917 г. под названием «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве», небольшим тиражом и в настоящее время стала уже библиографической редкостью. В 1937 году издательство СОЦЭЖИЗ предприняло переиздание книги. На основе кропотливого изучения одного из крупнейших вотчинных хозяйств XVII в. и одного из новых административных учреждений, возникших в этот период, — Тайного приказа Алексея Михайловича, — А.И. Заозерский освещает две важнейшие проблемы XVII в. — вопрос о крепостном хозяйстве XVII в. и о рождении бюрократического аппарата.

ISBN 978-5-458-55698-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Измайлово, одна из летних резиденций царя Алексея и вместе хозяйственный центр ведомства Тайного приказа. Дорога, отделяющаяся от шоссе, приведет через мост, мимо башни, на площадь, причем здание, увенчанное главами, и еще два других того же типа окажутся направо, а против них, налево, два длинных одноэтажных каменных корпуса и в середине между ними старинные ворота.

Главное здание богадельни — это древний Покровский собор; он цел и сейчас, но загорожен пристроенными к нему с трех сторон корпусами. В углу двора, на берегу, рядом с замеченной уже небольшой старинной церковью, стоял деревянный, в три жилья, царский дворец, соединявшийся с нею крытыми переходами; он держался в полуразрушившемся, правда, виде, до половины прошлого столетия, когда был окончательно сломан, и на его месте поставлен был деревянный флигель для призреваемых офицеров. По сторонам двора шли, начинаясь у самого дворца, длинные одноэтажные каменные корпуса, разобранные потом одновременно с дворцом по той причине, что понадобился материал для богадельни; они служили и оградой двора и жильем для дворцовых слуг, приказчиков, охотников; тут же помещались и разные хозяйственные службы — хлебни, погреб, пивоварни, медоварни, квасоварни, винный завод. Все это устроил царь Алексей Михайлович. Он лично смотрел за хозяйством, а в той шатровой башне созывал своих бояр на совет о государственных делах. Начинаясь у самого дворца, разбит был «регулярный» сад: он тянулся вниз по берегу приблизительно на тридцать саженей. А за тем прудом, который окружал царский двор с противоположной стороны, был расположен виноградный сад. Это название постоянно встречается в хозяйственных документах Тайного приказа — знак того, что сад был предметом особенно тщательного ухода. Он занимает около квадратной версты. По середине его и теперь — роскошные аллеи вековых лип; если не эти живые липы, так те, другие, от которых остались прочно усевшиеся местами колоссальные пни, уж наверное были современницами царя Алексея. Тут разводились виноградные лозы, росли яблони, груши, дули, вишни, сливы, даже тутовое дерево.

Позади виноградного сада должны быть следы разных хозяйственных построек, а за ними уже начинались государевы поля. При возвращении можно воспользоваться дорогой, которая обходит низом регулярный сад и приведет к упоминавшейся раньше плотине. Это — также памятник: кирпичная кладка расходится полукругом далеко в стороны от стока, глубоко уходя в землю, и повидимому не-

сокрушима. У плотины прежде стояла каменная мельница, на которой мололи государев хлеб. Отсюда тропинка поведет вас дугом на шоссе; но прошлое, которое овладело вами там, на царском дворе и в садах, не хочет отпустить вас сразу: за открывающейся перед вашими глазами современной картиной вам все хочется представить себе эти места, как они выглядели тогда, в обстановке той далекой жизни.

История хозяйственного быта Московской Руси вообще не богата цельными памятниками, и уже потому для историка может быть привлекательной попытка восстановить, пользуясь «делами» Тайного приказа, хозяйственный строй находившейся в его ведомстве территории. Другое обстоятельство, отчасти и ютмеченное, сообщает однако предмету более широкий интерес. Не в предании только, а и в архиве Тайного приказа осталось много подлинных следов того, что царь Алексей в самом деле по-настоящему чувствовал себя хозяином в подведомственных Приказу владениях и лично входил во все мелочи их хозяйственной жизни. Являясь любопытной биографической чертой сама по себе, хозяйственная деятельность Алексея Михайловича своей формальной обстановкой поднимает вопросы, которые выводят ее значение за пределы личной характеристики. Из каких владений составилось царское хозяйство, и почему оно поручено было Тайному приказу? В специальном исследовании Гурлянда о Тайном приказе эти вопросы поставлены и на них дан следующий ответ. Хозяйственная деятельность царя «началась с немногих подмосковных сел и с немногих на этих землях улучшений», но потом разрослась и захватила «весьма большую площадь земли» отчасти «в силу хозяйственной необходимости, отчасти по развившейся страсти». Так в пределах дворцового ведомства образовался «круг имений», в которых царь «пожелал непосредственно заведывать хозяйством» и которые были потом «изъяты из ведения Большого дворца» и «переданы в Тайный приказ». Это была новость, потому что до Алексея Михайловича «не делалось еще различия между управлением загородными именьями царя (как бы личной его собственностью) и управлением дворцовыми землями». Почему однако царь не продолжал управлять «своими именьями» через Приказ Большого дворца? «По некоторому недовольству Большим дворцом», — отвечает автор. Привыкнув требовать быстроты и точности в исполнении своих распоряжений, царь вообще убедился, что его требования «не по плечу всему дворцовому ведомству» и «тяжелая ма-

шина дворцовых учреждений» не может «поспевать за ним»¹.

Итак, выходит, что царское хозяйство сложилось, как любительское предприятие, в рамках дворцового ведомства, и передача его Тайному приказу была только делом административного удобства. Это мнение, внешне правдоподобное, подсказано не наблюдениями над фактами. В свое время мы увидим, что в действительности хозяйственное ведомство Тайного приказа возникло как самостоятельная организация, сразу же получившая крупные размеры, причем в образовании ее «загородные имения царя» играли нисколько не большую роль по сравнению с остальными частями территории. Отсюда — приходится спрашивать не о том, почему все эти владения были «изъяты» из ведения Большого дворца, а о том, почему для заведывания сложным хозяйственным предприятием царь выбрал не какой-нибудь другой, а именно Приказ тайных дел — учреждение, по своим задачам, казалось бы, не имевшее ничего общего с хозяйственными интересами. Гурлянд настаивает, что царь был недоволен «тяжелой машиной дворцовых учреждений», но в подтверждение своего мнения он мог привести только один факт, который на самом деле скорее опровергает, чем подкрепляет его. В 1652 г., заменив прежнего управляющего Дворцом, кн. А. М. Львова, новым — В. В. Бутурлиным, царь с чувством удовлетворения писал патриарху Никону: «а слово мое ныне во Дворце добре страшно и делается без замотчанья». Ясно, что недовольство царя относилось не к учреждению, а к лицу. Ушел кн. Львов, старый и упрямый боярин, и Дворец стал послушным и исполнительным². Потому конечно царь до конца не находил препятствий оставлять в дворцовом ведомстве любимые свои подмосковные села, как Преображенское, Воробьево, Коломенское и др. Вывод, который следует отсюда, может быть лишь тот, что в данном вопросе решающее значение имели не только административно-технические, а общие свойства учреждения и что следовательно нельзя рассматривать хозяйственное ведомство Тайного приказа вне связи с общим назначением Приказа. Но как бы ни различались в подробностях определения Тайного приказа, в основном своем назначении он был несомненно политическим учреждением и вызван к жизни политическим мировоззрением царя Алексея. А это значит, что и осущес-

¹ Гурлянд, Приказ великого государя тайных дел, стр. 67, 162 и сл.

² Стр. 67; автор цитирует не точно — «слово мое... страшно», в подлиннике сказано сильнее: «добре страшно».

ствлявшаяся через него хозяйственная деятельность Алексея Михайловича, оставаясь эпизодом экономической истории, могла быть вместе с тем отражением условий политической жизни и потому может характеризовать собой определенный момент в политической эволюции Московской Руси.

Будем ли мы изучать хозяйственное ведомство Тайного приказа или самый Приказ, как учреждение, в обоих случаях основным источником будут служить «дела» Тайного приказа, но не в одинаковом составе. В первом случае наибольшее значение имеют документы внутреннего делопроизводства Приказа—приходо-расходные и записные книги, дополняемые в некоторых частях документами, содержащимися в столбцах. Приходо-расходные книги¹ составились из сокращенных записей государевых указов о производстве денежных выдач и о приеме денежных поступлений. Записи полнее в статьях первой категории и досадно скупы в статьях второй; поэтому приходо-расходные книги, позволяя наблюдать царское хозяйство в движении различных его отраслей, во многом оставляют закрытым общий ход хозяйственного оборота. Местами в своем содержании они выступают из рамок чисто финансовых операций, сообщая попутно сведения, характеризующие другие стороны хозяйственной жизни,—отмечая нужды, на удовлетворение которых производились ассигновки, воспроизводят нередко порядок работ и технические приемы, состав администрации и рабочих. Большим лишением для исследователя являются дефекты в составе этого памятника; приходо-расходные книги имеются лишь за 7 лет, и то не полностью за каждый год. Этот пробел восполняют, но только до некоторой степени, «расходные столбцы», сохранившиеся как раз за те годы (именно за 6 лет), от которых недостает приходо-расходных книг. Столбцы содержат документы в подлинном виде и потому богаче конкретным материалом: рядом с государевыми указами по хозяйству в них нередко встретим приказные справки, подрядные записи, челобитные—словом, документы, которые ставят исследователя лицом к лицу с людьми и их отношениями. Столбцы вероятно служили источником при составлении приходо-расходных книг и были бы без сомнения ценнее последних, если бы еще больше, чем те, не пострадали в своем составе: из 6 годов, от которых они дошли до нас, ни за один они не сохранились целиком, а только частями: за 1, за 2, за 3, самое большое— за 8 месяцев.

Шире и разнообразнее по содержанию записные книги

¹ Р. И. Б., т. 23.

Тайного приказа¹. Составляясь путем регистрации входящих и исходящих бумаг Приказа — государевых грамот и указов, приказных памятей, отписок с мест, — они велись систематически в течение ряда лет, изо дня в день, и потому должны отражать в себе полный круг деятельности учреждения. Хозяйственные дела, не являясь их единственным предметом, как то видим в приходо-расходных книгах, в известной части записных книг решительно преобладают над другими, — доказательство между прочим того, насколько важное место занимали хозяйственные функции в деятельности Приказа. Содержащиеся здесь распоряжения и донесения по хозяйственному управлению затрагивают самые различные стороны хозяйственного быта, и, можно сказать, если бы соответствующие акты давались в подлинниках, легко восстановлялся бы по записным только книгам весь строй жизни царских владений. Но составители книг подвергали каждый поступавший в их руки документ переработке, руководясь при этом потребностями приказной памяти, и потому старались извлекать из него те сведения, которые могли пригодиться потом для справок и еще, может быть, при составлении общих ведомостей. Оттого например в записных книгах тщательно выписаны цифры натуральных поступлений и лишь в случайных намеках проступают черты, характеризующие административный строй или правовое положение населения. По этой причине значение их как источника становится более скромным; притом и в отношении сохранности они разделили участь приходо-расходных книг: в их составе недостает значительной по объему (почти за 2 года) и важнейшей по характеру захватываемого момента части, — именно с 11 мая 1662 г. по ноябрь 1664 г. Невыгодные для исследования свойства изложения записных книг и указанный пробел в их составе могли бы быть возмещены подлинными документами, которые подклеивались в Приказе в особые «столпы всяких дел». Эти документы, естественно, являются драгоценным источником и помимо содержания интересны самой формой. Одни из них имеют официальный характер, т. е. прошли через обычные стадии приказного делопроизводства, и потому изложение их мы найдем в записных книгах или нашли бы, если бы те сохранились полностью; другие, напротив, не были официальными и не подлежали приказной регистрации, как например некоторые собственноручные заметки царя Алексея, меморандумы, экстренные доклады царю и т. п. Тем большее сожаление вызывает у исследователя то со-

¹ Р. И. Б., т. 21.

стояние, в каком «столпы всяких дел» дошли до нас: особенно в категории хозяйственных дел это, за немногими исключениями, — разрозненные отрывки, в значительной части черновики, иногда рассыпающиеся от ветхости при попытке взять их в руки.

Известную помощь при изучении царского хозяйства могут оказать наконец, описи «дел» Тайного приказа, составившиеся в то время, когда все дела Приказа были еще налицо. Описи, при своей краткости, тем и ценны в данном случае, что воспроизводят состав приказного архива в полном его объеме, давая понятие о таких документах, которые потом бесследно погибли.

Отмеченными особенностями источников устанавливаются пределы, в каких может быть выполнена первая из поставленных задач. Перерывы в записях приходо-расходных и записных книг, хронологически измеряющиеся годами, не позволяют проследить процесс образования хозяйственного ведомства Приказа с одинаковой полнотой во всех моментах и, может быть, в наиболее существенных моментах сделают необходимым путь догадок. С другой стороны, благодаря специальным приемам изложения одних источников (книг и описей) и крайней отрывочности других (столбцов) самая схема хозяйственного строя в ведомстве Приказа может выйти не во всех частях одинаково отчетливой, и неизбежными окажутся важные пробелы в заполнении ее конкретным содержанием. И все же надо отдать справедливость составителям приходо-расходных и записных книг, являющихся основным нашим источником, — подъячим Тайного приказа. Их работа по самому назначению своему и должна была носить протокольный характер. Но бумажное производство видимо не убило в этих представителях канцелярской профессии восприимчивости к впечатлениям от конкретных фактов. Они ведут свои записи, держась специальных рамок и по определенным формулам, но поверх этих рамок в эти формулы свободно проникают непосредственные отголоски жизни: мы чувствуем их и в дословной выдержке из воеводской отписки или памяти приказчику, где вдруг выглянет живое лицо или со всей непосредственностью скажется житейский казус, и в какой-нибудь детали «реальных отношений», которая, может быть, потому только и попала в книгу, что возбудила любопытство подъячего, и в наивно-метких оборотах речи, в которых иной раз, точно в зеркале, отразится своеобразный облик создавшей их среды. Можно поэтому сказать, что, составляя книги, московские подъячие сделали в пределах своей профессиональной задачи больше, чем могли бы, давая возможность современ-

ному исследователю собрать рассыпанные ими краски в цельную картину, хотя кропотливостью такой задачи и подвергая его опасности сделать меньше, чем он должен.

Другие особенности источников выдвигаются перед исследователем, когда он пытается уяснить себе общее назначение Тайного приказа. Приказ оставил после себя огромный архив, разборка и описание которого, предпринятые вскоре по его упразднении, на несколько лет задали работу специальным комиссиям и содержание которого воспроизводят явившиеся в результате работы описи, а частью и подлинные документы, рассеянные по разным современным архивам. Но архив Приказа удивляет, может быть, не столько количеством оказавшихся в нем «дел», сколько их разнообразием: последнее непременно бросится в глаза при знакомстве с описями и с особенной наглядностью выступает в том факте, что, при рассылке «дел» при ликвидации, ими наделены были 29 приказов — каждый по предметам своего ведомства. Можно ли заключить отсюда, что Тайный приказ совмещал в себе и соответствующее разнообразие функций? Очевидно положительный ответ на это следовал бы с необходимостью, если бы все отмечаемые описью документы принадлежали к делопроизводству Приказа. В действительности однако по бесспорным признакам многие из них не производились в Тайном приказе, поступив сюда из других учреждений, и потому в качестве источников, естественно, не могут иметь одинакового значения с делами собственного производства Приказа. Совершенно ясно, что исследователь, который пользовался бы документами по описям, не учитывая должным образом момента их происхождения, открыл бы тем самым полную свободу наделять Приказ любыми функциями и объявлять ту или другую из них, по выбору, основной в жизни учреждения. А между тем опись, передавая содержание дел, чаще всего не указывает их происхождения, и в то же время нет возможности разыскать все упоминаемые ею документы в подлинниках. При таких условиях осторожность становится первым требованием к исследованию, и вместе с тем особую ценность приобретают некоторые общие показания источников, помогающие ориентироваться в указанном направлении в представляемом ими же материале.

Эти показания даются прежде всего самими описями. Помимо частичных имеются три описи, которые могут быть названы общими: одна и произведена была с специальной целью описания дел¹; другая составлялась при рассылке дел

¹ Р. И. Б., 21 стр. 1 - 190.

по приказам¹; в третьей описаны дела, оставшиеся после рассылки. Первые две по содержанию почти совпадают, точнее, роспись, составлявшаяся при рассылке, повторяет произведенное раньше описание; но обе они по-разному классифицируют дела: в то время как последняя расписывает их между наличными приказами и уже не считается с Тайным, первая отводит ему определенное место среди других и относит на его долю часть из общего состава описываемых дел, тем самым давая как бы очерк его подлинной компетенции. Аналогичное значение имеет и третья из перечисленных описей. Дела Приказа были рассланы не все; оставшиеся хранились сначала в Печатном приказе, а потом были переданы в Ближнюю канцелярию², знаменитый начальник которой Н. М. Зотов и составил им особую опись³. Произошло все это едва ли случайно, хотя бы например потому, что у разборной комиссии нехватало рук для рассылки всех дел: оказавшиеся не разосланными документы слишком ценны по содержанию, и если бы наряду с другими предназначались к рассылке, то, думается, скорее всего попали бы в первую очередь. Среди них находим расходные столбцы Приказа, приходо-расходные и записные книги, дневальные записки, походные дневники царя Алексея, его грамоты и письма, тайные указы послам и секретную дипломатическую переписку, указы воеводам и их отписки в Тайный приказ с театра военных действий, дела по сношениям с иноземцами, дело патриарха Никона — все документы, или являющиеся основными в собственном делопроизводстве Приказа или относящиеся к вопросам первостепенной государственной важности, притом некоторые из них собственноручно писаны царем и многие им редактированы. Можно поэтому думать, что при разборке дел Тайного приказа комиссия отсылала в другие учреждения преимущественно те, которые или принадлежали к их делопроизводству или были необходимы им по связи с задачами текущего управления, но что она не имела с самого начала в виду разбивать тот круг дел, в котором отражалась собственная компетенция учреждения. И мы могли бы довериться получившейся классификации: комиссия состояла по преимуществу из бывших дьяков и подъячих Тайного приказа — людей, которые могли, как никто другой, разбираться в его действительном назначении. Сопоставляя указания той и другой описи, найдем, что в общем обе согласно намечают

¹ Р. И. Б., т. 21, стр. 345—688.

² Там же, стр. IV.

³ Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, ст. 1—44.

то направление, в каком может быть произведено упрощение пестрого архивного наследства Тайного приказа в смысле приблизительного выделения сферы подлинного его ведомства. Дальнейшее упрощение может быть достигнуто с помощью записных книг и уже в другом направлении. Согласно самому способу своего составления эти книги рисуют круг деятельности Приказа в порядке хронологической последовательности и потому позволяют поставить вопрос: можно ли считать все разнообразие функций, которое заставляют предполагать описи, в том числе даже и зотовская, свойственным Приказу в каждый момент его существования, или, может быть, определенные функции являются характерными для отдельных периодов в жизни Приказа, смена которых обозначала бы собой известную пережитую Приказом эволюцию? Не приходится доказывать, насколько существенно изменилась бы картина деятельности Приказа, получающаяся путем простого суммирования «дел», в том случае, если бы оказалось верным второе предположение.

В вопросе о назначении Тайного приказа предлагаемое исследование и исходит из этих общих показаний названных источников¹.

¹ Упомянутая книга Гурлянда и в этом вопросе также не внушает к себе доверия ни степенью полноты использованных в ней источников, ни приемами исследования. С одной стороны, зная, что «дела» приказного архива могут иметь в качестве источника очень различное значение в зависимости от их происхождения, Гурлянд фактически игнорирует этот момент и пользуется ими как однородным в формальном отношении материалом, — описями например так же, как подлинными документами приказного делопроизводства. С другой стороны, важнейшим источником при изучении круга деятельности Приказа являются, как мы знаем, записные книги, и по заявлению Гурлянда, эти книги им «изучены»; а между тем их «изучение» ни в какой мере не сказывалось ни на суждениях его о Приказе, ни вообще на содержании книги. Поверхностное отношение к источникам, открывая перед автором полную свободу построений, сделало возможным и общее определение Тайного приказа как «органа высшей справедливости», по одной из второстепенных функций, и естественно, что, полученное таким путем, это определение осталось несогласованным с детальной характеристикой учреждения. Разнообразные функции Приказа оказались лишенными внутренней связи, и автор заменил ее в их описании чисто внешней схемой: разделил их на две группы, из которых в одну поместил «специальные ведомства» — числом 15 (не считая подразделений), в другую — функции, выражающие «общие начала управления», оставив обе группы в полной обособленности. В результате у Тайного приказа получилось столько же самостоятельных задач, сколько можно насчитать предметов ведомства, и понятно, что при такой конституции общее назначение учреждения так же мало может объяснить отдельные функции, как и последние — иллюстрировать первое.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пока нельзя сказать, каким образом в составе компетенции Тайного приказа появилось самостоятельное хозяйственное ведомство: было ли оно установлено специальным государевым указом или сложилось фактически, по мере подчинения Приказу отдельных владений. Зато рядом косвенных признаков довольно точно определяется время, на которое приходится начальные моменты его формирования.

Хронологические границы, в пределах которых это должно было произойти, намечаются записными книгами Тайного приказа, точнее, пространством, захватываемым их утерянной частью: до 11 мая 1662 г., т. е. до того числа, на котором записные книги обрываются, в них не найдется ни одного распоряжения, которое касалось бы состоявших потом за Приказом владений, даже ни одно из этих владений не названо; наоборот, с первого же числа ноября 1664 г., на котором книги возобновляются, хозяйственные распоряжения становятся преимущественным предметом их содержания, и страницы их начинают пестреть соответствующими географическими названиями. Таким образом как бы сам собой выделяется, с значением промежутка времени, в течение которого образовалась в ведомстве Приказа хозяйственная организация, 1663 (171—172) год. Рядом с этим наблюдением не кажется простой случайностью, что и приходо-расходные книги Приказа, имея дело, в сохранившемся их составе, уже с налаженным хозяйством, начинаются как раз с 172 г., т. е. с сентября 1663 г. Правда, зотовской описи известны «тетради в поддесть приходные и расходные же со 164-го по 172-й год приему подъячих Федора Казанцова, Протасья Никифорова, Григория Ключарева»¹; однако сама опись, соединив эти «тетради» трех разных подъячих, отделила их как одно целое от «столпов и тетрадей приходных» последующих лет и «приему» других подъячих, т. е. от известных нам приходо-расходных книг

¹ Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., Рус. Арх. Общ., т. II, стр. 29.